

УДК 82

Топорова А.В.

«СУБЪЕКТИВНАЯ АЛЛЕГОРИЯ»: К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОГО НАЧАЛА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Аннотация. В настоящей статье анализируется функционирование аллегории в проповедях знаменитого итальянского проповедника и общественного деятеля XV в. Джироламо Савонаролы. Используя традиционный метод средневековой аллегорическо-нравственной экзегезы Священного Писания, Савонарола приспособливает его к стоящим перед ним задачам нравственного и политического переустройства флорентийского общества.

В результате аллегория в его проповедях приобретает субъективный характер, оказывается инструментом формирования действительности, рычагом воздействия на слушателей. Она становится центральным приемом, исключительным средством толкования не только Священного Писания но и истории, повседневной действительности, человеческой жизни в целом.

Ключевые слова: аллегория, средневековая проповедь, Джироламо Савонарола, средневековая экзегеза.

Доминиканский проповедник Джироламо Савонарола, оказавшийся в последнее десятилетие XV в. одной из центральных фигур общественной жизни Флоренции, воздействовал на своих современников, в первую очередь, словом. Может показаться удивительным, что такой регламентированный жанр, как средневековая проповедь, стал инструментом политического преобразования общества. При этом следует отметить, что формально Савонарола следовал подробно разработанным правилам составления проповеди, содержащимся в многочисленных *Artes praedicandi*. В основе его проповедей лежит фрагмент текста из Священного Писания, который он толкует в рамках средневековой традиции схоластической экзегезы. Как правило,

Савонарола выделяет разные смыслы в анализируемом отрывке и предлагает соответствующие интерпретации.

В одной из проповедей он сам объясняет слушателям применяемый им метод толкования Писания, опробованный до него множеством богословов (Филоном Александрийским, Августином, Иоанном Кассианом Римлянином и другими): «*Na il senso litterale, il quale è molte volte quello che non suona la lettera, ma è sempre quello che intende la intenzione di colui che detta la scrittura... El senso allegorico è quando per quello che narra la Scrittura, si significa quello che verrà nella Chiesa di Dio. El senso morale è quello che intende e dimostra le opere della vita e del ben vivere dell'uomo... El senso anagogico è quando per la Scrittura si significa le cose celeste e quelle dell'altra patria*» [4, т. I, с. 107] («Оно [Священное Писание – А.Т.] имеет буквальный смысл, который часто не передает буква; но он всегда подразумевает намерение Того, Кто диктует Писание... Аллегорический смысл – это когда события, о которых рассказывается в Писании, означают то, что произойдет в Церкви Божией. Нравственный смысл подразумевает и раскрывает дела и добрую жизнь человека... Анагогический смысл – это когда через Писание обозначаются вещи небесные, относящиеся к нашему небесному отечеству» – здесь и далее перевод автора статьи).

Обычно Савонарола выстраивает следующий порядок: история – аллегория – нравственный урок, т.е., подобно большинству средневековых проповедников, придерживается аллегорически-нравственной интерпретации библейских текстов. При этом он придает особое значение буквальному смыслу, т.е. историческому событию, описываемому в тексте Священного Писания. О важности понимания буквального смысла, о необходимости знания исторических событий и реалий писали многие богословы. В частности, французский богослов-францисканец первой половины XIV в. Николай де Лира во втором предисловии к «Буквальным комментариям к Библии» уподобляет буквальный смысл фундаменту: как дом не устоит на плохо поставленном основании, так и аллегорическое или мистическое объяснение Писания окажется несостоятельным при неверно определенном буквальном смысле. Именно в пренебрежении буквальным смыслом видит он существенный недостаток современной ему экзегезы.

Но для Савонаролы исторический контекст важен, в первую очередь, как материал для сопоставления библейского события с современной ему ситуацией. Наиболее ярким примером являются проповеди на книгу пророка Аггея, произнесенные им во Флоренции в ноябре-декабре 1494 г., когда Пьеро Медичи бежал из города, спасаясь от французского войска Карла VIII, а флорентийцы подняли мятеж. Савонарола же воспользовался этим моментом для проведения давно лелеемой им религиозно-политической реформы, целью которой было создание во Флоренции теократической республики. Выбор книги пророка Аггея тщательно продуман. Савонарола проводит аналогию между двумя историческими эпохами: «Аггей проповедовал людям, которые не хотели восстанавливать храм Божий и говорили: Не пришло время восстанавливать его. Так и я проповедую вам и говорю, что вы должны восстановить и реформировать ваш город и ваше правительство» (проповедь XVIII) [2, с. 153]. Савонарола

указывает на сходство ситуаций, в которых проповедовали Аггей и он, Савонарола. Ветхозаветный пророк проповедовал после возвращения евреев из Вавилонского плена. Савонарола проповедует после освобождения флорентийцев из плена тирании Медичи. Аггей имел дело с людьми слабой веры, Савонарола – с теплохладными (*tiepidi*), как называл он своих современников. Аггей видел свою непосредственную задачу в восстановлении храма, Савонарола – в утверждении нового политического устройства и духовного уклада во Флоренции.

Столь острое чувство истории, связи времен выделяет Савонаролу среди других проповедников, для которых исторический аспект ветхозаветных событий был второстепенным и несущественным. Вероятно, эта особенность Савонаролы объясняется его пророческой ориентацией, скорее исключительной для проповедников. Кроме того, исторический компонент служит основанием для аллегорического толкования; изложив «историю», Савонарола переходит к аллегории. В третьей проповеди на книгу пророка Амоса Савонарола выделяет три составляющие понятия аллегории: история; обозначение других вещей и понятий; соответствие истории именно этому смыслу. Такая структура аллегории дает право Савонароле утверждать, что поэтический вымысел, равно как сочинения языческих авторов, не имеют подлинного аллегорического смысла, так как в них нет «истины истории» («*verità de istoria*») и они не подразумевают «иных вещей», смыслов, кроме прямого. Надо сказать, что уже Августин в трактате «О христианском учении» проводит различие между богословской аллегорией и литературным приемом, объясняя первую действием божественной силы, формирующей историю, а второй – человеческими попытками передать, изобразить исторические события. В дальнейшем эта мысль будет повторена многими богословами, в том числе Фомой Аквинским. [6, с. 81]. Савонарола же так пишет об этом: «... la Scrittura solo ha la allegoria, e bisògnati, quando tu vuoi cavare allegoria della Scrittura, intendere bene prima la istoria, e la verità di quella servare immobile, e sopra quella fondare el senso morale o allegorico, el quale senso è vago e puossi pigliare in più modi, *ita* che non sta fermo come la istoria» [5, I, с. 75-76] («... только в Писании есть аллегория, и если ты хочешь извлечь аллегорию из Писания, ты должен сначала понять как следует историю и сохранять неизменной ее истинность, а на ней воздвигать нравственный или аллегорический смысл. Этот смысл подвижен, его можно толковать по-разному, *m.e.* в отличие от истории он не является незыблемым»).

И, в самом деле, Савонарола весьма свободно обходится с аллегорией, трансформирует ее в своих целях. В результате аллегория оказывается у него инструментом формирования действительности, рычагом воздействия на слушателей. Она становится центральным приемом, исключительным средством толкования Священного Писания и, шире, истории, повседневной действительности, человеческой жизни, ключом, раскрывающим смысл происходящего в свете вечности.

подавляющее большинство аллегорий в проповедях Савонаролы содержит прямые отсылки к флорентийской жизни. Вавилонское пленение – это аллегория Флоренции, пребывающей в плену

грехов и удалившейся от Бога (Аггей, проповедь I); добрый самаритянин – Христос, пришедший исцелить Флоренцию (Аггей, проповедь IV); виноградник, не приносящий плода – тоже Флоренция (Амос, проповедь XIV); история вавилонского царя Валтасара – это аллегория будущего суда над Флоренцией (ср.: «Берегись, гражданин, если ты будешь плохим, то же произойдет и с тобой; царство, к которому ты стремишься, будет отдано добрым гражданам, справедливо творящим то, что угодно Богу. Вот что хотел я сообщить тебе сегодня утром относительно хорошего и плохого гражданина и суда над ним, это я и рассказал. И если кто попытается поступать иначе, чем я сказал, того накажет Бог, и скоро» [2, с. 96], Аггей, проповедь XI). Изгнание торгующих из храма аллегорически «прообразует» изгнание плохих пастырей из Церкви, а также плохих правителей из Флоренции (Амос, проповедь XXVII). Савонарола идет далее и развивает эту аллгорию: бич, который сплел Христос, означает, во-первых, язык проповедника, возвещающего пришествие Христа и призывающего всех к обращению, и, во-вторых, детей, помогающих проповеднику в деле искоренения пороков (известно, что по инициативе Савонаролы были организованы особые объединения детей, помогавших ему в осуществлении его идей: например, они участвовали в «сожжении суеты», в изгнании проституток с городских улиц). Таким образом, аллегория у Савонаролы оказывается способной вместить в себя любое событие современной жизни (по поводу книги пророка Амоса проповедник говорит, что она создана «буквально для нас и для наших времен» [5, т. II, с. 53]). Савонарола неоднократно говорил о возможности разных аллегорических толкований. В третьей проповеди на книгу пророка Амоса он приводит примеры различных аллегорических толкований одной и той же библейской цитаты: ливанский кедр может означать гордого, превозносящегося человека, так как кедр характеризуется высотой; но может обозначать и праведника, так как издает благоухание. Лев может быть аллегорией гордеца и одновременно сильного и великодушного человека.

Аллегория для Савонаролы больше, чем просто один из методов толкования Священного Писания, она становится способом мышления, постижения действительности. Именно в силу этого его аллегории часто производят впечатление субъективных: для каждого явления действительности проповедник готов найти его «прообраз» в Священном Писании. В проповедях на книгу пророка Амоса Савонарола использует сравнение Священного Писания с колосом, который может дать хорошее зерно, если умело извлечь его [5, т. I, с. 54]. Именно в этом и видит доминиканский проповедник свою задачу. И, надо сказать, что порой он извлекает из Писания такие смыслы, о которых его слушатели и не подозревали. Неслучайно противники Савонаролы обвиняли его в субъективности интерпретаций. Следует отметить, что уже Ириней Лионский увидел опасность, таящуюся в аллегорическом методе, позволяющим врагам Церкви и тем, кто далек от истинного понимания Библии, исказить подлинные смыслы Священного Писания или же прикрывать красочными образами свое непонимание.

В случае Савонаролы, в самом деле, порой создается впечатление, что едва ли не любую цитату из Священного Писания можно интерпретировать в желательном для проповедника смысле. Савонарола и сам подчеркивал возможность многообразных толкований: «Così dico della Scrittura,

che Dio l'ha fatta con quelli fatti e con quelle guerre e con quelli nomi che si possono applicare ad ogni tempo e in ogni punto, e in ogni tempo si possono cavare sensi o di vita attiva o di contemplativa, come abbiamo detto delle cose naturale. Onde li santi Dottori uno medesimo passo esponevano de' Martiri al tempo de' Martiri e delli eretici al tempo delli eretici; al tempo nostro lo possiamo esporre de' tiepidi. Questo si vede nello Evangelio odiero el quale ha molti documenti a proposito di ogni tempo, così nel senso litterale come nello spiritual» [5, т. I, с. 62] («Я говорю о Писании, что Бог создал его из событий, войн и имен, которые можно применить к любому времени и к любому месту, и в любое время из них можно извлечь смыслы как в отношении активной, так и в отношении созерцательной жизни, что мы говорили и об естественной природе. Поэтому святые учителя Церкви один и тот же отрывок во времена мучеников излагали как относящийся к мученикам, а во времена еретиков – как относящийся к еретикам; а в наше время его можно применить к теплохладным. Это мы видим и в сегодняшнем Евангелии, в котором можно найти множество свидетельств, касающихся любого времени, как в буквальном, так и в духовном смыслах»).

Еще одной существенной особенностью аллегорического метода Савонаролы является то, что толкованию подвергаются не только библейские тексты, но и собственные видения и сны, которые, таким образом, приравниваются по значению к Священному Писанию. Такой удивительный подход объясняется тем пророческим статусом, который проповедник приписывал себе. Роль пророка он видел в том, чтобы обнаружить действие Бога в истории; чтобы в, казалось бы, случайных и второстепенных событиях увидеть промысел Божий, Провидение, выстраивающее жизнь людей в перспективе спасения. Отметим, что такой взгляд на пророчества близок к точке зрения Григория Великого и Кассиодора, считавших, что смысл пророчества заключается не в предсказании будущих событий, а в выявлении скрытых вещей. Для Савонаролы история оказывается ареной осуществления замысла Божия о человечестве, а пророки, к которым Савонарола причислял и себя, – соработниками Бога, в задачу которых входит объяснять людям волю Божию о них и подготавливать их к ее приятию и исполнению.

Известно, что современников Савонаролы смущали постоянные заявления проповедника о том, что все предсказанное им и открытое ему в видениях исходит непосредственно от Бога и потому всему сказанному им следует непреложно верить (более подробно см. об этом [3, гл. III]), ср.: «Ты, Флоренция, слышала своими ушами не меня, а самого Господа, остальная же Италия слышала все это только по рассказам других. Поэтому у тебя нет никакого оправдания, если ты не обратишься. Поверь мне, Флоренция, что не я, а сам Господь говорит все это»; или: «Но теперь ты уже должен непременно верить, ибо видишь, что большая часть событий, которые я тебе предсказал и о которых проповедовал, до нынешнего дня оправдалась. Я говорю тебе, что и все прочее оправдается, что ни одна йота не останется неоправданной. Я в этом убежден более, чем в том, что ты существуешь, более, чем в том, что дважды два четыре, более, чем в том, что вот я трогаю это дерево кафедры, ибо этот свет более достоверен, чем чувство осязания» [1, т. 2, с. 220-221].

Пророчества Савонаролы основаны на его собственных видениях и снах, собранных им в «Сборнике откровений» («Compendium revelationum», 1495). Действительно, проповедник порой теряет твердую почву под ногами: собственные видения становятся источником его пророчеств, темой для проповедей и объектом толкования. Причем толкует он их в том же аллегорическом ключе, что и тексты Священного Писания, непоколебимо веря, что они исходят от Бога и даны ему для спасения тех, к кому он обращается с проповедями. Как правило, они, в самом деле, относятся к той ситуации – политической, общественной, нравственной – в которой находится Италия в целом или Флоренция. Так, в 1492 г. Савонарола сообщает флорентийцам о своем видении эсхатологического характера. В ночь перед последней проповедью Рождественского поста он увидел посреди неба руку с мечом, обращенным на землю и услышал такие слова: «Се меч Господень скоро и быстро». Далее ему были явлены многочисленные бедствия – войны, голод, болезни, обрушивающиеся на землю. Примечательно, что видение облечено в аллегорическую форму: меч как аллегория гнева Божия на Италию, как призыв к покаянию и обновлению. Сама по себе эта идея была впервые высказана Савонаролой в 1484–85 гг. во время проповеди в Сан-Джиминьяно, но тогда пророчество относилось лишь к Церкви, которая должна была понести наказание за свои грехи и затем обновиться. В дальнейшем эта ключевая для всей проповеднической деятельности мысль Савонаролы распространяется уже на всю Италию.

Несколько позже Савонарола сообщает флорентийцам о еще одном аналогичном видении: когда он размышлял о Флоренции, ему представился прекрасный сад, полный чудесных цветов и плодов, но большие деревья и шипы мешали им расти. Садовник тщетно пытался навести порядок в саду. Тогда появился «некто с мечом» и начал рубить эти деревья. Садовник пытался воспрепятствовать ему, но тот все же срубил плохие деревья и убрал шипы, однако при этом пострадали и цветы. Савонарола дает такое объяснение своему видению, также представленному в виде развернутой аллегории: «О Флоренция, тебе подобало бы быть цветущей в соответствии с твоим именем! Ты должна была бы быть новым Назаретом, что означает «цветущий», а ты не захотела стать цветущим садом. Садовник – это Христос Назарянин, т.е. цветущий. Он хотел украсить Флоренцию и этот сад, но зловредные деревья, т.е. равнодушные (теплохладные) люди и плохие граждане, не допустили этого. Тогда пришел некто с мечом, чтобы срубить и погубить все, но по молитвам это зло не произошло, молитвы праведных спасли тебя» [2, с. 189]. На этот раз интерпретация дается не только и не столько в нравственном ключе, сколько в общественно-политическом.

Упомянем о еще одном весьма важном видении Савонаролы, объясняющим то, как он воспринимал свою миссию во Флоренции, и являющимся своего рода апологией его политической деятельности: «Сегодня ночью я рассуждал сам с собой и теперь немного расскажу вам об этом. Я был побуждаем продвигаться вперед, и я говорил: Господи, приведи меня в порт, верни мне покой. – А Он отвечал: Нельзя вернуться назад. Разве ты не видишь, что ветер дует в противоположную сторону и толкает тебя вперед? – Я сказал: Хотя, Господи, это тебе неудобно, Ты все равно справедлив. Скажи мне, могу ли я немного поспорить с Тобой, хотя я пыль и прах, а

Ты господин всего, скажи мне, должен ли я продвигаться вперед в этом мирском море, ловя для Тебя рыб. Почему именно здесь, а не где-нибудь еще? Что у меня общего с Флоренцией? Ведь я родился и вырос, как Ты знаешь, в Ферраре, а не во Флоренции. – Господь ответил и сказал: Помнишь, ты читал о человеке, отправившемся из Иерусалима в Иерихон, как на него напали разбойники, изранили его на дороге, по которой проходили его соотечественники, и никто не помог ему, а только самаритянин, чужеземец, взялся вылечить его? Разве ты не знаешь, что написано, что нет пророка в своем отечестве? Поэтому ты, чужеземец, и приведен проповедовать сюда, за пределы твоей родины. – Я отвечал Господу с почтением и сказал: Господи, я не удовлетворен этим. Мне достаточно привычно проповедовать ради искоренения грехов и возрастания добродетелей здесь во Флоренции, и где Тебе будет угодно. Но почему я должен проповедовать о флорентийском государстве? <...> Проповедь, к которой ты стремишься, дело духовное, но, устремляясь прежде всего к духовному, необходимо укреплять и то, что поддерживает и сохраняет дух, то, что управляется духом. Так и здесь, создавая духовный град, в котором будут жить праведной жизнью, необходимо создать основание и ограду, чтобы сохранить дух и добро, дабы не был утрачен путь из-за развращенных людей. Ты знаешь, что ради жизни и сохранения избранных Божиих создана вселенная, весь мир существует ради них и их блага. То же должно быть и во Флоренции, если ты хочешь, чтобы она стала хорошей: если она хочет быть хорошей, надо создать государство, которое сохраняло бы добро» [2, с. 163-164].

Отметим, что приведенный отрывок, по сути дела, описывает даже не видение как таковое, а «рассуждения» Савонаролы с самим собой, причем говорит проповедник не только от своего имени, но и от имени Бога; т.е. мы имеем дело с высшей степенью произвольности. Используя вполне банальную аллегорию пловца в бурном море, обычно обозначающую человека в суете жизни, в житейском море, Савонарола идет дальше и предлагает совершенно новую трактовку, «субъективную»: он не просто ловец рыб (евангельская аллегория), не просто проповедник, пекущийся о нравственности своих слушателей – он призван Богом к политической проповеди, воспринимаемой как духовное дело.

Видения Савонаролы особенно отчетливо выявляют специфику его аллегорического метода. Аллегория была для Савонаролы не только одним из видов экзегезы, но и способом восприятия и постижения мира. Она предельно расширяет свои границы, становится гибкой и «протеистичной», готовой изменяться в зависимости от стоящих перед проповедником задач. Можно сказать, что аллегория в проповедях Савонаролы углубляется, расширяется и выходит за свои традиционные рамки.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. Пер. с ит. Д.Н. Бережкова. – М.: Ладомир, 1995 (Репринт с изд. 1913 г.) – 488 с.

[2] *Савонарола Дж.* Проповеди на книгу пророка Аггея. Пер., статья, примечания А.В. Топоровой. – М.: Наука, 2014 – 309 с. (Литературные памятники).

[3] *Топорова А.В.* Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. – М.: Тезаурус, 2011 – 381 с.

[4] *Savonarola G.* Prediche sopra l'Esodo. A cura di P.G. Ricci. Ed. Nazionale. V. I-II.– Roma: Belardetti, 1955-1956.

[5] *Savonarola G.* Prediche sopra Amos e Zaccharia. A cura di P. Ghiglieri. Ed. Nazionale. V. I-II.– Roma: Bellardetti, 1971-1972.

[6] *Turner D.* Allegory in Christian late antiquity – The Cambridge Companion to allegory. Ed. By R. Copeland, P.T. – Struck.:Cambridge University Press, 2010.

© Топорова А.В., 2015.

Материал поступил в редакцию 23.03.2015.

Топорова Анна Владимировна,

доктор филологических наук,

старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва),

e-mail: anna.toporova@gmail.com

UDC 82

Toporova A.

“SUBJECTIVE ALLEGORY”: ON THE QUESTION OF THE ROLE OF PERSONAL PRINCIPLE IN THE INTERPRETATION OF THE TEXT

Absrtact. We analyze the functions of the allegory in the sermons of the famous 15th-century Italian preacher and public figure Girolamo Savonarola. Employing the traditional method of the medieval allegorical and moral exegesis of the Holy Scripture, Savonarola adapts it to his own aims of morally and politically restructuring Florentine society.

Allegory in his sermons becomes subjective as a result, turning into an instrument for shaping reality and a means of influencing his audience. It becomes a key tool and the exclusive method for interpreting not only Holy Scripture but also history, surrounding reality and human life as a whole.

Key words: allegory, medieval sermon, Girolamo Savonarola, medieval exegesis.

Топорова Анна Владимировна,

D. in Philology,

Senior Researcher, A.M.Gorky's Institute of World Literature RAS (Moscow),

e-mail: anna.toporova@gmail.com